

От линии к литорали

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_61

Aiten Yuran

From the Line to the Littoral

Айтен Юран (преподаватель Восточно-Европейского института психоанализа, Санкт-Петербург) aytenyuranyuran@gmail.com

Aiten Yuran (instructor, Eastern European Psychoanalytic Institute, St. Petersburg) aytenyuranyuran@gmail.com

В 1930 году в работе «Неудобства культуры» («Das Unbehagen in der Kultur») Фрейд говорит о границах *я*, которые, по его словам, носят весьма подвижный и изменчивый характер. Вопреки имеющимся представлениям об их устойчивости — ведь чувство самого себя предстает для субъекта как нечто весьма достоверное — границы между *я* и *не-я*, *я* и *другим*, *я* и *внешним миром*, как говорит Фрейд, не являются постоянными. При этом в психоанализе дело вовсе не ограничивается только констатацией подвижности упомянутых границ, напротив, появляется шанс уловить их особое пространственное устройство весьма топологического характера. Полагаю, что введение Фрейдом понятия «влечение» (Trieb) как одного из фундаментальных понятий психоанализа, но при этом понятия пограничного между душой и телом, между психикой и сомой, уже открывает возможность пересмотра прежней пространственности, а значит, и самой идеи границы. Также можно заметить, что всякий раз, пытаясь прочертить ориентиры психической реальности, Фрейд предлагает оттолкнуться не от идеи границы, а от *поверхности*. И примечательный момент состоит в том, что *поверхность*, о которой говорит Фрейд, вовсе не противоположна глубине, чем задается необходимость конституирования иного характера пространственности, не умещающегося в пространство евклидовой геометрии.

Глубина и поверхность — именно эта оппозиция всякий раз приходит на ум, когда мы имеем дело с привычным нам пространством, однако при внимательном рассмотрении можно обнаружить, что речь у Фрейда идет не столь о соотношении в логике глубина/поверхность, сколь о соотношениях на самой поверхности. Фрейд говорит о «единственно нам известных — поверхностных слоях душевного аппарата»¹. Как бы то ни было, от привычных соотнесений «вроде “впереди” и “позади”, “поверхностно” и “глубоко”»² Фрейд призывает отказаться за их ненадобностью. Построения Фрейда направлены на изъятие представлений о психике из ограничений трехмерного пространства, и это влечет за собой целый ряд этических последствий.

1 Фрейд З. Я и Оно // Фрейд З. Психология бессознательного / Пер. с нем. А.М. Боковикова. М.: Фирма СТД, 2006. С. 313.

2 Фрейд З. Проблема дилетантского анализа. Интерес к психоанализу // Фрейд З. Интерес к психоанализу: Избранное / Пер. с нем. В. Николаева. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 65.

Дело в том, что и Фрейд в своих теоретических построениях психического аппарата чрезвычайно близок топологическому осмыслению пространства, хотя непосредственных отсылок к топологии как к разделу математики, подобно тем, что можно встретить у Лакана, у него, конечно же, нет. Именно топологические ориентиры, а не топографические коренным образом преобразовывают идею границы. Подобного рода пространственная протяженность не может быть пристегнута к конкретным локализациям трехмерного пространства, и в этом случае принципиальным оказывается уход от идеи линейки, меры, расстояния. Как следствие, меняется представление о границе как о линии, проведенной на евклидовой плоскости, которая призвана разграничить две области.

Попробуем мысленно представить две приграничные области А и В. В таком случае граница может принадлежать как А, так и В, или она может не принадлежать ни А, ни В, либо она может принадлежать только А, либо только В, также можно представить, что существуют две границы, одна из которых принадлежит А, а другая — В, и эти две границы расположены рядом, то есть они пространственно совпадают. Но во всех случаях, которые я попросила сейчас представить, — а сделать это, согласитесь, не так сложно — мы остаемся в поле привычной евклидовой геометрии.

У Лакана в «Лекции о литераттере» (1971) можно встретить небольшой пассаж, в котором он говорит о границе. Поначалу речь идет о границе в качестве линии, отделяющей друг от друга две территории, — по этому поводу Лакан даже вспоминает Якоба фон Икскюля и его описание границ в биологических средах. Одно из ключевых понятий Икскюля — это «функциональный круг», оно позволяет описать механизм построения *Umwelt* живой особи как присущей каждому организму *своей* избирательности восприятия и действия. *Umwelt*, согласно Икскюлю, выстраивается по принципу отражения *Innenwelt*, живое существо превращает внешнее во внутреннее и само распределяется в окружении, при этом каждый биологический вид и даже каждая биологическая особь живут в разных и непересекающихся пространствах. Однако Лакан говорит о том, что такого рода границе не хватает самого главного, в чем при внимательном рассмотрении можно удостовериться, а именно — разграниченные территории, «во всяком случае, для того, кто ее переступит, — представляют собой ровно то же самое»³. Получается, что имеющиеся границы, тем не менее, нисколько не колеблют имеющуюся однородность пространства, не видоизменяют его прежнюю консистентность, которое они разграничивают. По всей видимости, для Лакана это является специфической чертой границы в биологических средах, даже если взять за основу их более сложное устроение. К примеру, прояснением особенностей границ в биологических средах также занят Хельмут Плеснер. Для него органическое тело несет в себе пространственное ограничение, но его Плеснер представляет в качестве не просто разграничающей линии, а *контура*, или виртуального промежутка между телом и примыкающей к нему средой. Такая граница «не принадлежит ни только телу, ни только примыкающей среде, но принадлежит обоим, поскольку прекращение одного есть начало другого»⁴.

³ Лакан Ж. Лекция о литераттере // Лакан в Японии / Пер. с фр. и англ. под ред. В. Мазина и А. Юран. СПб.: Алетейя, 2012. С. 65.

⁴ Плеснер Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую определенность / Пер. с нем. А.Г. Гаджикурбанова // Проблема человека в западной философии / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 110.

Граница в данном случае оказывается «чистым переходом от одного к другому, от другого к одному»⁵ в их обоюдной определенности. Меняет ли это что-нибудь радикально в самой идее границы? Полагаю, что нет, так как функционирование биологических границ не имеет отношения к регистру языка, то есть к тому, что задает основную модальность человеческого существования. Для более радикального преобразования или модификации сущности устройства границы необходим иной жест, в прояснении сущности которого мы обратимся к Лакану.

В уже упомянутой «Лекции о литературе» Лакан привносит в идею границы букву (letter) в ее буквальности (literalitas), ассоциативно возводя ее к латинскому *litoralis*, то есть к прибрежной полосе, а это, по его словам, уже «совсем не то, что граница»⁶. Граница как прибрежная полоса, а не граница в качестве линии — в этом пока, пусть и весьма поэтически, и заключается суть психоаналитического преобразования идеи границы. Послушаем, как об этом говорит Лакан:

Вы сами понимаете, что друг с другом их ни за что не спутаешь. Ведь прибрежная полоса представляет собой область, которая вся в целом образует другую, если хотите, границу — образует как раз постольку, поскольку граничащие между собой области не имеют друг с другом абсолютно ничего общего и ни в какие взаимные отношения не вступают⁷.

Отметим этот важный момент парадоксального пространственного сосуществования граничащих областей, которые ничего общего не имеют и в отношении друг с другом не вступают.

Итак, граница в человеческом порядке не сводится ни к линии, ни к контуру, она сама обретает особую протяженность в силу принадлежности человеческого существа языку. Уместно сейчас вспомнить неологизм Лакана «lavie»⁸, посредством которого он как раз и пытается выразить жизнь, противоположную жизни биологической. В слове *la vie* (жизнь) Лакан снимает пробел и играет на созвучии с *se lave* (моется), что является хорошим указанием на то, что биологическое отверстие человеческого организма закрепляется в языке и обретает характер символической кромки. Захват живого тела языком сопровождается буквально въеданием, втиранием означающего порядка в плоть, в биологическое измерение. На первый взгляд лакановский прием преобразования границы в литораль носит, как уже было сказано выше, весьма поэтический характер, но это не совсем так. Преобразование это носит строгий математический и топологический характер. Попробуем уловить его суть.

Лакановский жест внедрения буквы в линию границы пространственно эквивалентен нанесению разреза поверх имеющейся линии, что снимает воображаемый характер последней как разделяющей область **A** и область **B**, которая по факту всегда уже **не-А**. Он подобен жесту Аппелеса в соревновании с Протогеном на проведение наиболее тонкой линии: когда Протоген чертит линию, настолько тонкую, что она кажется невозможной для кисти смертного, но Апеллес наносит разрез поверх этой линии, чем проявляет ее протяженность, и меняет местами то, что внутри и то, что снаружи, «овнутряя наруж-

5 Там же.

6 Лакан Ж. Лекция о литературе. С. 65.

7 Там же.

8 Впервые появляется на встрече 23 апреля 1974 года в семинаре «Les non-dupes errent».

ное»⁹. Такого рода жест и вносит пространственный изворот топологического характера, в котором разделение на **А** и **не-А** перестает быть ясным и исчerpывающим. Здесь проявлена та невозможность разграничения, о которой говорит Агамбен применительно к афоризму Павла, когда на первый взгляд простое разделение (в данном случае — иудеи/не-иудеи) более не работает, ведь «отныне есть иудеи, которые не суть иудеи и не-иудеи, которые не суть не-иудеи»¹⁰. Другими словами, есть **А**, которые **не-А**, и **не-А**, которые суть не **не-А**. Это значит, что **А** и **не-А** не могут образовать замкнутую общность. То есть «оппозиция **А/не-А** допускает третье в форме двойного отрицания: **не не-А**»¹¹. В связи с этим можно также вспомнить невозможность разделения, которая обнаруживается в парадоксах Рассела — вроде парадоксов лжеца или брадобрея, где также нет простого разделения на **А** и **не-А**, то есть на тех, кто лжет, или тех, кто не лжет, или тех, кто себя бреет и тех, кто себя не бреет. Ведь стоит задаться вопросом о месте лжеца или брадобрея в этой системе, как становится ясно, что их существование исключено из нее.

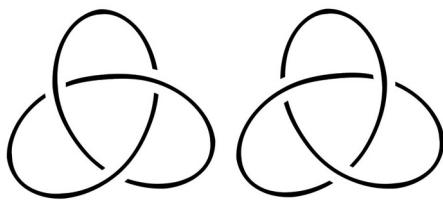
Итак, граница в преобразовании Лакана конституируется разрезом, который иным образом связывает гетерогенные и чужеродные друг другу элементы, давая место **не не-А**. Литоральный характер границы обусловлен погруженностью человеческого порядка в пространство языка и памяти. Тогда вопрос применительно к поддержанию подобного рода границ заключается в том, как не утратить пространство языка? Быть может, это и есть единственный способ избежать радикального беспамятства субъекта в настойчивом повторении одного и того же, в низведении границы на уровень воображаемой разметки со строгой территориальной пристежкой? Граница в качестве линии, проходящая между **А** и **не-А**, с неизбежной исторической трагичностью упирается в воображаемую ось, в противостояние параноидного характера, в то, что Фрейд описывал как «нарцизм малых различий». На такой границе другой, максимально похожий на меня, неизбежно будет низведен в параноидном противостоянии на уровень отброса. Это можно продемонстрировать топологически (следуя мысли французского психоаналитика Вапперо)¹² на таком узле, как трефль. При кажимости подобия форм представленные трефли тем не менее разные и носят непереходный характер, то есть никакое количество преобразований не позволит из одного узла получить другой (ил. 1). Что это значит? То, что в каждом случае сама логика вязки узла совершенно разная, они по-разному вложены (*plongement*) в пространство, однако, чтобы прочитать эти различия, необходима проекция образа другого в язык. Иначе в зеркальном нарциссическом противостоянии это различие неизбежно окажется стеной, разграничитывающей одно от другого в форме границ по типу концентрационных лагерей, которые человечество с трагической повторяемостью соружает в параноидном наплыве наслаждения (*jouissance*). Трудно не согласиться с Лаканом, что в таком своем биологическом виде граница неизбежно приобретает «статус идеологии». Также можно вспомнить пространство «голой

9 Это словосочетание встретила у Дж. Агамбена.

10 Агамбен Дж. Оставшееся время. Комментарий к Посланию к Римлянам / Пер. с итал. С. Ермакова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 73.

11 Там же.

12 Вапперо Ж.-М. Узел. Теория узла по стопам Ж. Лакана (Topologie En Extension. Тетрадь с результатами № 3) / Пер. с фр. А. Бронникова, О. Бронниковой. М.: Проект Letterra.org; Гnosis, 2022. С. 6.

Ил. 1. Схема зеркальных трефлей¹⁶

одна с другой»¹⁴. Хорошим примером удержания принципа несоизмеримости культур может быть подход к исследованию японской культуры Ролана Барта на основе выделения ряда черт, из которых выстраивается систему под названием Япония. Барт уточняет, что Восток и Запад не должны пониматься как реальности, то есть как конкретные страны в их локализации на географической карте¹⁵.

Итак, литеральный характер границы связан с регистром языка, памяти, культуры. Хорошую аналогию лакановской литерали я обнаруживаю в многослойном пространстве волшебного блокнота Фрейда, поверхность которого образуется за счет совмещения чужеродных слоев. Различные слои — а именно, слой восковой, с которым связана запись и сохранение следа восприятия, и слой бумажный с целлулоидной пластиной, на котором следы не сохраняются, существуют, при этом не смешиваются и обнаруживают разность записи при введении интервала между слоями. Жест привнесения промежутка между слоями позволяет говорить не только о пространственной протяженности блокнота, но и о времени в полном следовании сути литерали как чего-то находящегося в движении.

Я бы также сказала о диастемическом характере промежутка между разнородными и несоизмеримыми элементами системы. Диастема — понятие из богословского дискурса, оно имеет отношение к непреодолимому расстоянию, которое отделяет нетварного Бога от творения. Оставив в стороне богословский смысл данного понятия, можно обратиться к еще одному из возможных значений понятия «диастема», вполне топологическому — а именно, «дистанция». О нем говорит Мануссакис в книге «Бог после метафизики», указывая на то, что диастему можно переводить как «промежуток» (и в пространственном, и во временном плане), но что здесь важно, это то, что всегда есть нюанс непреодолимости данной дистанции, промежутка, зияния в несоизмеримости того, что дает «место близости»¹⁷.

Более строго выявить топологическую суть подобного рода преобразования границы мы можем, обратившись к 13-му семинару Лакана «Объект психоанализа» (1965/66), где он занимается геометрическими построениями про-

жизни», о котором говорит Агамбен и которое в полной мере проявило себя в недавних требованиях социального дистанцирования на вполне конкретные расстояния, измеряемые линейкой¹³. В то время как границы литерального характера проходят по культуральным различиям, которые несводимы друг к другу в силу того, что культуры всегда «несоизмеримы

¹³ В эпоху COVID-19.

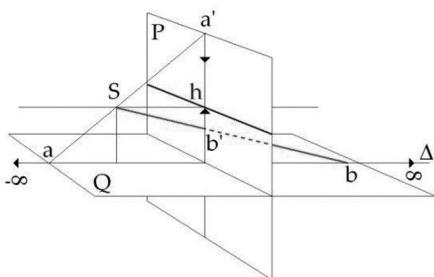
¹⁴ Леви-Стросс К. Обратная сторона Луны: Заметки о Японии / Пер. с фр. Е. Лебедевой. М.: Текст, 2013.

¹⁵ Барт Р. Империя знаков / Пер. с фр. Я. Янпольской. М.: Практис, 2004.

¹⁶ Lacan J. Séminaire1961–1962. Livre IX: L'identification (inédit) (<http://staferla.free.fr/S11/S11%20FONDEMENTS.pdf>).

¹⁷ Мануссакис Д.П. Бог после метафизики. Богословская эстетика / Пер. с англ. Д. Морозовой. К.: ДУХ И ЛИТЕРА, 2014.

ективной плоскости в функции экрана¹⁸. И интересным образом здесь весьма уместна отсылка к картине Эрика Булатова «Горизонт» (1972), которая была представлена на одном из постеров нашей конференции. Картина Булатова интересна не столь лitorалью, как можно было бы подумать, ведь именно ее мы здесь непосредственно видим, а именно специфичной линией горизонта, растянутой в ширину красной полосы (дорожки). Но для начала нам необходимо совершить переход в пространство построений проективной геометрии, совершив вполне допустимую комбинаторную перестановку элементов. В известной аксиоме евклидовой геометрии, согласно которой «через две точки можно провести одну и только одну линию», необходимо произвести замену элементов «точки» на «линии». Тогда верным будет утверждение, что «любые две линии пересекаются в одной точке», из чего следует, что на проективной плоскости параллельные прямые пересекаются. В зрительном опыте линиями, на которых параллельные прямые пересекаются, оказывается как раз линия горизонта.

Ил. 2. Схема проективной плоскости¹⁹

проекцию на плоскость экрана **P** точки взгляда **S**. Линия горизонта находится на некотором расстоянии от линии земли, которое меняется в зависимости от того, где находится точка взгляда, и это пока довольно очевидные для геометрического построения моменты, именно поэтому мы можем два раза встретить или проводить солнце, оказавшись на разных высотах от земли. Теперь посмотрим на точку альфа (**a**), которая находится непосредственно на земле. Чтобы получить ее проекцию на плоскость экрана, необходимо провести линию, которую Лакан называет линией взгляда субъекта (les lignes oculaire), через точку взгляда (**S**). Точка, в которой линия взгляда пересекает экран, есть точка проекции, она обозначена на схеме (**b'**). Полученная точка проекции (**b'**) расположена на некотором расстоянии от линии горизонта, при удалении точки (**b**) в бесконечность точка (**b'**) будет все больше совпадать с линией горизонта, а чем ближе она будет находиться к экрану, тем больше она будет приближаться к линии земли.

А теперь зададимся вслед за Лаканом вопросом: а что находится не в том интервале, который мы обнаружили между линией земли и линией горизонта, а непосредственно над линией горизонта? Проекцией каких точек оно является? Если воспроизвести предыдущее геометрическое построение и провести

Обратимся к построениям Лакана из 13-го семинара. На схеме (ил. 2) мы видим две плоскости, одну из них Лакан называет фигулярной плоскостью (plan-figure), на рисунке она обозначена плоскостью **Q**, другую Лакан называет поддерживающей плоскостью (le plan-support) — это плоскость **P**, или плоскость экрана. Пересечение двух плоскостей задает линию земли. Линия горизонта на схеме обозначена **h**, она представляет собой

18 Lacaн J. Le Séminaire 1965–1966. Livre XIII: L'objet de la psychanalyse (inédit) (<http://staferla.free.fr/S13/S13.htm> (дата обращения: 24.03.2025)).

19 Ibid.

линию через точку взгляда субъекта, то станет ясно, что это проекция той точки, которая находится на земле, но не впереди, а позади смотрящего субъекта (на схеме точка **a**). И здесь все будет обстоять аналогичным образом: чем дальше точка на земле будет удаляться в бесконечность, тем больше точка ее проекции (**a'**) будет совпадать с линией горизонта. Итак, смотрящие на линию горизонта видят *над* ней то, что находится *позади* смотрящих. Получается, что линия горизонта, вопреки наивному акту видения, это не линия, на которой сходятся небо и земля, или не линия, которая разделяет небо и землю, это сам разрез, соединяющий то, что *за* смотрящим субъектом, и то, что *перед* субъектом, или видимое и невидимое. Он аналогичен мебиусовой поверхности, или мебиусову разрезу, соединяющему лицо и изнанку. В свете этих геометрических построений, широкую красную полосу на картине Булатова можно рассматривать и как то, что, с одной стороны, вскрывает промежуток, предъявляя взгляду интервал между линией земли и линией горизонта, но можно посмотреть на нее и как на мебиусный разрез, в котором и располагается сокрытое для субъекта видения. Аналогичный прием можно обнаружить в китайской живописи, для этого используется туман, который местами скрывает линию горизонта, превращая все вместе в излюбленную китайскими художниками пунктирную линию утка, которая то исчезает в тумане, то вновь появляется, этим, с одной стороны, проявляя для взгляда пустоту, зазор, границу «между», с другой — обнажая и делая видимым то, что должно оставаться невидимым. Мы видим, что граница в качестве разреза или края дыры радикальным образом преобразовывает однородность пространства, которая свойственна биологическим средам, делая явным дырявое и перфорированное пространство в силу сосуществования в нем чужеродных и несоразмерных порядков.

В завершение мне хотелось бы сказать о хорошо известной математикам гипотезе «четырех красок», согласно которой для раскраски любой карты на плоскости с соблюдением условия, чтобы два сопредельных контура обладали разным цветом, достаточно четырех красок. Ее впервые высказал в 1860 году Мебиус. Весьма любопытно, что на поверхности топологической, к примеру, на поверхности тора гипотеза четырех красок не работает, и для выполнения условия различий цветов всех граничащих контуров необходимо целых семь красок. Последнее является хорошим свидетельством совершенно особой организации пространства, особенности которого мы и пытались прояснить.